

16. Крусс В.И., Борисов Г.Д. Религиоведческая экспертиза: конституционное назначение и критерии оценки // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 448–458.
17. Пчелинцев А.В., Загребина И.В. Образование и мировоззрение эксперта как факторы государственной религиоведческой экспертизы // Право и образование. 2011. № 2. С. 202–110.
18. Шахнович М.П. Изучение религии в России в конце XIX – первой четверти XX века: от феноменологического описания к критическому исследованию // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 171–195.
19. Меньшикова Е.В., Яблоков И.Н. О периодах в истории отечественного религиоведения // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2011. № 5. С. 98–115.
20. Крашенинникова Ю.А., Кочергин Н.Д. Устройство и практика государственной религиоведческой экспертизы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 187–209.

References

1. Buzan B. People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations. Wheatsheaf Books, 1991. 262 p.
2. Roe P. Societal Security // Contemporary Security Studies / ed. A. Collins. Oxford University Press, 2019. P. 221–235.
3. Glaser M.A., Polyachenkov A.V., Novik N.N. Ehkspertiza bezopasnosti v sovremennom mire: vozmozhnosti i problemy // Filosofskie nauki. 2021. T. 64, № 6. S. 33–54.
4. Brodeur J-P. Expertise Not Wanted: The Case of the Criminal Law // Experts in Science and Society / ed. dy E. Kurz-Milcke, G.Gigerenzer. N-Y, 2004. P. 123–158.
5. Zivot J. Anesthesiology and the Ethics of Expert Witness Testimony // Anesthesiology Clinics. 2024. Available online 24.
6. Krems J. Expertise und Flexibilitat // Expertiseforschung / ed. by H. Gruberr, A. Ziegler. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. P. 80–91.
7. Wu X., Liao H. A multi-stage multi-criterion group decision-making method for emergency management based on alternative chain and trust radius of experts // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2024. Vol. 101, 104253.
8. Walter W. Experts' Discourses as Judicial Drama or Bureaucratic Coordination: Family Debate in the United States and Germany // Experts in Science and Society / ed. dy E. Kurz-Milcke, G.Gigerenzer. N-Y, 2004. P. 27–46.
9. Pull together: Option-weighting-enhanced mixture-of-experts knowledge tracing / T. Huang [et al.] // Expert Systems with Applications. 2024. Vol. 248, 123419.
10. Lebedev V.YU., Prilutskii A.M. K voprosu o metodologicheskom obespechenii religiovedcheskoi ehkspertizy // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universi-teta. Ser. «Filosofiya». 2020. № 2 (52). S. 109–116.
11. Khasnutdinov R.R., Pishchulina YA.A. Znachenie religiovedcheskoi ehkspertizy po delam ob ehkstremitse // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2020. № 11-2. S. 128–132.
12. Kryukov D.O. Religiovedcheskaya ehkspertiza: problema istochnikov i metodov // Pravda. 2019. № 2 (8). S. 68–72.
13. Ehlbakyan E.S. Ehntsiklopedichnost' i praktikoorientirovannye issledovaniya v sovremennom religiovedenii // Religiovedenie. 2018. № 4. S. 145–151.
14. Lisovskaya A.V. Funktsional'noe znachenie religiovedcheskoi ehkspertizy v mnogokonfessional'nom rossiiskom obshchestve // Mezhhregional'nye pimenovskie chteniya. 2020. № 17. S. 232–237.
15. Astakhova L.S. Sudebnaya religiovedcheskaya ehkspertiza – nauchnyi zhanr vne nauchnoi auditorii: opyt metaehkspertizy // Gumanitarnye nauki v XXI veke. 2015.

- № 5. S. 89–103. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34223648> (data obrashcheniya: 23.04.2024).
16. Kruss V.I., Borisov G.D. Religiovedcheskaya ehkspertiza: konstitutsionnoe naznachenie i kriterii otsenki // Yuridicheskaya tekhnika. 2022. № 16. S. 448–458.
  17. Pchelintsev A.V., Zagrebina I.V. Obrazovanie i mirovozzrenie ehksperta kak faktory gosudarstvennoi religiovedcheskoi ehkspertizy // Pravo i obrazovaniye. 2011. № 2. S. 202–110.
  18. Shakhnovich M.P. Izuchenie religii v Rossii v kontse XIX – pervoi chetverti KHKH veka: ot fenomenologicheskogo opisaniya k kriticheskomu issledovaniyu // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2018. № 1. S. 171–195.
  19. Men'shikova E.V., Yablokov I.N. O periodakh v istorii otechestvennogo religiovedeniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2011. № 5. S. 98–115.
  20. Krashennikova YU.A., Kochergin N.D. Ustroistvo i praktika gosudarstvennoi religiovedcheskoi ehkspertizy // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2020. № 3. S. 187–209.

Статья принята к публикации 15.10.2024/
The article has been accepted for publication 15.10.2024.

Информация об авторе:

Татьяна Владимировна Излученко, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент; старший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии

Денис Николаевич Гергилев, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии, доктор исторических наук, доцент; профессор, заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций

Information about the authors:

Tatyana Vladimirovna Izluchenko, Associate Professor at the Department of Philosophy, Candidate of Philosophical Sciences, Docent; Senior Researcher at the Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia

Denis Nikolaevich Gergilev, Leading Researcher, Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia, Doctor of Historical Sciences, Docent; Professor, Head of the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations

---

Научная статья / Research Article

УДК 94(571)

DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-84-92

Григорий Александрович Цыкунов

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

tsykunovga@bqu.ru

ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ НОВЫХ РАЙОНОВ РОССИИ: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ ИЛИ ВАХТОВЫЙ МЕТОД

Цель исследования – изучение основных форм промышленного и урбанистического освоения новых районов Сибири, выявление основных закономерностей и особенностей этих процессов. Выявлены основные концепции этого процесса: создание промышленного производства и урбанизация регионов; вахтовый метод освоения природных месторождений на необжитых территориях. Дается анализ советского опыта промышленного развития сибирских регионов путем формирования территориально-производственных комплексов и промышленных узлов. Рассматриваются формы привлечения населения и комплектования трудовых коллективов строителей и эксплуатационников. Отмечается динамика численности населения в период реализации народнохозяйственных программ. Поднимается проблема градообразующих предприятий и моногородов, их кризис в условиях перехода к рынку. Указывается, что опыт формирования сибирских территориально-производственных комплексов, урбанистического развития новых территорий имеет не только национальное, но и международное значение. Исследуется законодательное регулирование организации труда вахтовым методом, продолжительность вахтовой работы, учет рабочего времени, режим труда и отдыха при работе вахтовым методом. Дается история возникновения вахтового метода в советский период, его развития в современной России. Размещены статистические данные о численности работающих вахтовым методом, отмечаются его положительные и отрицательные стороны. Особо подчеркивается признание вахтового метода в качестве основного способа промышленного освоения новых районов Сибири. Приводятся примеры попыток воссоздания советской модели промышленного освоения и урбанизации в Ангаро-Енисейском регионе, обосновывается их практическая несостоятельность. Накопленный исторический опыт промышленного и урбанистического развития новых районов требует пристального изучения для нужд современной практики, в частности притока населения в районы Сибири и Дальнего Востока. Возрастающая убыль населения из восточных регионов сказывается не только на замедлении темпов экономического роста, но и на национальной безопасности страны. Ведущую роль в решении проблем экономического и демографического характера должно играть государство, которому необходимо взять на себя совершенствование нормативно-правовой базы, привлечение финансовых и материальных ресурсов для комплексного развития указанных регионов.

Ключевые слова: Сибирь, Ангаро-Енисейский регион, территориально-производственный комплекс, население, урбанизация, вахтовый метод, нефтегазовые месторождения, строительство, моногорода

Для цитирования: Цыкунов Г.А. Промышленное освоение новых районов России: советский опыт или вахтовый метод // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 84–92. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-84-94.

© Цыкунов Г.А., 2025

Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 84–92.

Socio-economic and humanitarian journal. 2025;(1):84–92.

Grigory Aleksandrovich Tsykunov
Baikal State University, Irkutsk, Russia
tsykunovga@bqu.ru

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF NEW AREAS OF RUSSIA: SOVIET EXPERIENCE OR THE SHIFT WORK METHOD

The objective of the study is to examine the main forms of industrial and urban development of new regions of Siberia, to identify the main patterns and features of these processes. The main concepts of this process are revealed: creation of industrial production and urbanization of regions; shift method of development of natural deposits in uninhabited territories. The paper provides an analysis of the Soviet experience of industrial development of Siberian regions by forming territorial production complexes and industrial hubs. The forms of attracting the population and staffing the workforce of builders and operators are considered. The dynamics of the population during the implementation of national economic programs is noted. The problem of city-forming enterprises and single-industry towns, their crisis in the context of transition to a market economy is raised. It is indicated that the experience of forming Siberian territorial production complexes, urban development of new territories is of not only national but also international significance. The legislative regulation of the organization of labor by the shift method, the duration of shift work, accounting of working hours, the work and rest regime when working by the shift method are studied. The paper provides the history of the emergence of the shift method in the Soviet period and its development in modern Russia. Statistical data on the number of people working on a shift basis are provided, and its positive and negative aspects are noted. The recognition of the shift method as the main method of industrial development of new regions of Siberia is particularly emphasized. Examples of attempts to recreate the Soviet model of industrial development and urbanization in the Angara-Yenisei region are given, and their practical inconsistency is substantiated. The accumulated historical experience of industrial and urban development of new regions requires close study for the needs of modern practice, in particular the influx of population into the regions of Siberia and the Far East. The increasing population loss from the eastern regions affects not only the slowdown in economic growth, but also the national security of the country. The leading role in solving economic and demographic problems should be played by the state, which must undertake the improvement of the regulatory framework, the attraction of financial and material resources for the comprehensive development of these regions.

Keywords: *Siberia, Angara-Yenisei region, territorial-production complex, population, urbanization, shift work, oil and gas fields, construction, single-industry towns*

For citation: Tsykunov G.A. Industrial development of new areas of Russia: soviet experience or the shift work method // Socio-economic and humanitarian journal. 2025. № 1. S. 84–92. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-84-92.

Введение. Промышленное освоение богатейших природных ресурсов Сибири исторически определялось стратегическими задачами Российского государства. Этот процесс, начавшийся с организации кустарных промыслов, последовавшим затем

массовым переселением крестьян, привел к созданию необходимых социально-экономических предпосылок для крупномасштабного промышленного развития региона во второй половине XX века. В советской плановой экономике большое

внимание уделялось территориальной организации производительных сил в форме промышленных районов, территориально-производственных комплексов (ТПК). В рамках подобных форм организации промышленного производства проходило формирование Урало-Кузнецкого комбината, системы Ангаро-Енисейских ТПК, Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, новых промышленных узлов в зоне Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Теория и практика ТПК предусматривала формирование и развитие непродуцированной сферы: заселение территории, жилищно-бытовую инфраструктуру, охрану окружающей среды. На территории СССР в 1980-х гг. проходило формирование 15 территориально-производственных комплексов, из них шесть в Сибири. ТПК считались мощнейшими центрами по добыче и переработке топливного сырья. В 1976–1980 гг. комплексы удвоили выпуск промышленной продукции и обеспечили весь общесоюзный прирост нефти и газа. К примеру, в 1985 г. народное хозяйство страны получило от Западно-Сибирского комплекса 60% всей добываемой нефти и 55 % природного газа [1, с. 85].

Цель исследования – изучение основных форм промышленного и урбанистического освоения новых районов Сибири, выявление основных закономерностей и особенностей этих процессов.

Результаты и их обсуждение. Реализация крупных народно-хозяйственных проектов, как правило, проходила в районах с низкой степенью заселенности территории, что крайне затрудняло формирование необходимого трудового потенциала. В связи с этим потребовалось массовое привлечение населения из других регионов страны на сибирские новостройки. Для этого использовались различные формы комплектования рабочих коллективов, от которых зависела численность населения в районах нового хозяйственного освоения. В послевоенные годы широко применялись мобилизационные формы привлечения работников с использованием труда различных категорий заключенных и

интернированных граждан. Большую часть организованного набора составляли завербованные работники из европейских районов СССР, которые по договорам направлялись на сибирские стройки. Позднее основным источником формирования трудовых коллективов промышленных предприятий становится прием на месте и по вызовам отделов кадров. К организованной форме привлечения работников относится общественный призыв, который предусматривал массовое привлечение молодежи на объявленные всесоюзные комсомольские стройки. Так, к примеру, в 1980 г. на 14 крупнейших ударных стройках Ангаро-Енисейского региона трудилось более 48 тыс. человек, а всего на строительных объектах этого региона по общественному призыву работало 17 % от общего количества принятых за данный год [2, с. 142].

Начавшийся процесс строительства крупных энергетических и промышленных объектов вызвал большой приток населения в Красноярский край и Иркутскую область. С 1959 по 1970 г. численность их населения увеличилась на 13 % и составила 5275,4 тыс. человек, или 70,7 % всего населения Восточной Сибири. Следует отметить, что строительство промышленных предприятий и освоение их производственных мощностей привело к росту городского населения, доля которого увеличилась с 54,9 до 66,4 %. Наибольший удельный вес городского населения (84,5 %) отмечался на территории Братско-Усть-Илимского комплекса [3, с. 70]. В этот период начинается прогрессирующее снижение численности сельского населения. Сложившаяся диспропорция между городским и сельским населением продолжается и до нынешнего времени. Так, в 2022 г. доля сельского населения Иркутской области составляла 22,0 % [4].

Осуществление Ангаро-Енисейской программы сопровождалось не только промышленным, но урбанистическим развитием региона. Урбанизация становится составной частью создаваемого промышленного потенциала во вновь

осваиваемых районах Сибири. Как правило, новые города возникали рядом с создаваемыми энергетическими и промышленными предприятиями. Подобные промышленные производства получили статус градообразующих предприятий, а городские поселения – моногородов. При подобной модели градообразования существовала прямая зависимость жизнеобеспечения городов и поселков от финансово-экономического состояния местных предприятий. Градообразующие предприятия принимали участие в создании и обслуживании жилищно-коммунального хозяйства, социальной сферы, экологической безопасности моногородов. В советское время подобное сотрудничество промышленных предприятий и местных органов власти считалось наиболее эффективной мерой в условиях урбанизации сибирских регионов.

При формировании Ангаро-Енисейских комплексов возникли новые города: Братск, Усть-Илимск, Железногорск-Илимский, Саяногорск, Сосноборск, Шарыпово. Новые города обеспечили рост удельного веса городского населения Красноярского края и Иркутской области с 54,9 % в 1959 г. до 76,2 % в 1984 г. [5, с. 3]. В новых городах были созданы все необходимые условия для проживания и профессиональной деятельности населения, а стабильная работа предприятий придавала уверенность работникам в их благополучии. Таковы некоторые итоги советской практики промышленного освоения новых районов страны, которая имеет не только национальное, но и международное значение. Это подтверждается высокой оценкой опыта создания Братско-Усть-Илимского ТПК, данной Международным институтом прикладного анализа в Вене в 1976 г. в сравнении с системой управления американского комплекса в долине р. Теннесси.

С отказом от советской плановой экономики и внедрением рыночных отношений советская модель промышленного освоения новых территорий испытывает кризисные явления, которые ставят под сомнение целесообразность со-

здания дорогостоящей производственной и социальной инфраструктуры в районах добычи полезных ископаемых. Кризис градообразующих предприятий сказался не только на их финансово-экономическом состоянии, но и на жизнеобеспечении населенных пунктов. Новые собственники предприятий стали отказываться от содержания ведомственного жилищного хозяйства, детских дошкольных учреждений, культурных и спортивных объектов. Сокращение производственных мощностей негативным образом сказывалось на социальных условиях жизни населения городских поселений. В качестве наглядного примера можно привести неурядицы на Усть-Илимском лесопромышленном комплексе в начале 1990-х гг., когда в результате необдуманной структурной перестройки остановилось производство и произошли массовые увольнения работников. Представление о бесперспективности города способствовало миграции его жителей. С 1995 по 2021 г. население Усть-Илимска сократилось с 111,3 тыс. до 78,7 тыс. чел. Подобная демографическая ситуация складывалась и в соседнем городе Братске, где прекратили функционирование строительная организация «Братскгэстрой», насчитывающая 72 тыс. чел., и Братский завод отопительного оборудования. Это также привело к безработице десятков тысяч горожан. Если в 1989 г. население Братска составляло 286,4 тыс. чел., то на начало 2022 г. – уже 222,5 тыс. чел., сократившись на 22,3 % [6].

В последние десятилетия идут непрекращающиеся дискуссии по оценке советского опыта промышленного освоения новых районов страны, в частности целесообразности строительства городов вблизи разработки полезных ископаемых. Обсуждение проблемы сводилось к главному вопросу о том, какими должны быть новые поселения: постоянными населенными пунктами (городами) или временными вахтовыми поселками. В научной литературе под вахтовым методом организации труда понимается выполнение работ во вновь осваиваемых районах, отдаленных от места житель-

ства работников, исключая возможность его ежедневного возвращения к месту своего постоянного проживания [7, с. 52]. Первые упоминания о вахтовом методе в России появились в период правления Петра I, когда проходило строительство новой столицы Санкт-Петербурга, военного флота, оружейного производства. Вокруг этих строительных объектов были построены специальные бараки, в которых проживали рабочие, работавшие вахтами. В Сибири к вахтовикам можно было отнести людей, занимающихся промыслом, различных «отходников» – людей, уходящих на работу в другие места.

В СССР вахтовый метод начал использоваться в годы первых пятилеток при строительстве индустриальных предприятий, когда работники трудились вахтами по 12 часов с последующим отдыхом по месту жительства. В послевоенные годы вахтовый метод применялся при разработке нефтяных месторождений в Каспийском море. Этот опыт вахтовой работы позднее использовался на месторождениях нефтегазового комплекса Западной Сибири. Подобный метод организации работ применялся в Северной Америке, Австралии, Финляндии, Норвегии и в других странах. В современных условиях вахтовый метод наиболее распространен в производствах непрерывного действия, в нефтяной и газовой промышленности, строительстве, горнодобывающей промышленности. Без вахтового метода работы нельзя обойтись в районах Крайнего Севера с тяжелыми природно-климатическими условиями.

В советском государстве впервые вопрос о целесообразности строительства новых городов на необжитых территориях возник в 1960-е гг. в связи с началом освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири. В министерствах и научных учреждениях были различные подходы, какими должны быть новые поселения: постоянными городами или временными вахтовыми поселками. Главный заказчик проекта в лице Министерства нефтяной промышленности

СССР выступал против дорогостоящей городской инфраструктуры. В условиях действующей тогда командно-ведомственной системы управления экономикой ставка была сделана на вахтовый метод добычи газонефтяного сырья. В пользу этого метода выступали расчеты и доводы об ограниченных сроках эксплуатации разведанных месторождений нефти и газа. К концу 1970-х гг. в районах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов функционировало около тысячи вахтовых поселков, в которых работали более 120 тыс. строителей и эксплуатационников [8, с. 178].

Однако первый опыт добычи ценного продукта и новые научно-геологические изыскания показали, что разведанные нефтегазовые месторождения располагают большими запасами сырья, способными обеспечить стабильную добычу на многие десятилетия. В этих условиях концепция промышленного освоения новых районов с одновременным созданием постоянных населенных пунктов становится основополагающей. Этому способствовало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», в котором подтверждалось строительство 15 новых городов в автономных округах Тюменской области [8, с. 178]. Таким образом, в результате освоения нефтегазовых ресурсов Западной Сибири были построены новые города: Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск. Надым, Новый Уренгой, Когалым, Мегион, Нягань, Радужный, Стрежевой, Лабитнанги, Ноябрьск и др.

В то же время в партийно-советском постановлении не отказывались от использования вахтового метода, а пытались рассмотреть его реализацию в утвержденной концепции градостроительного освоения районов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новые города стали базовыми городами, откуда работники отправлялись в вахтовые поселки для производственной дея-

тельности. Министерства и ведомства были заинтересованы в дальнейшем расширении вахтового метода работ, который был экономически выгодным для нефтедобычи в районах Крайнего Севера. С другой стороны, использование вахтового метода было связано с выходом добычи нефти и газа на новые, удаленные от базовых городов месторождения. Судьба вахтового метода была решена на государственном уровне, когда вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 годы», где указывалось о дальнейшем расширении и совершенствовании вахтового метода работы на предприятиях и стройках нефтегазового комплекса. Одновременно Госкомтруд СССР и секретариат ВЦСПС утвердили типовое положение о вахтовом методе организации работ [9, с. 84].

Важнейшим событием в развитии отечественного вахтового метода явилось принятие в 1986 г. решения об обустройстве и эксплуатации Ямбургского нефтегазового месторождения в Ямало-Ненецком автономном округе вахтовым методом организации работ. В связи с этим исключалось строительство нового города Ямбурга. После легитимизации вахтового метода на государственном уровне нефтяные и газовые ведомства приступили к созданию стихийных вахтовых поселков, которые не отвечали надлежащим нормам благоустройства, эпидемиологическим требованиям, превращаясь в вагон-городки. Разработанные местными органами власти меры по ограничению создания поселков и сокращению численности работников-вахтовиков не выполнялись. С 1991 по 2015 г. в Ямало-Ненецком автономном округе численность работников, занятых на основе вахтовой деятельности, возросло с 25,5 тыс. до 80,2 тыс. чел. Только в организациях «Газпрома» численность работников-вахтовиков составляла более 60 тыс. чел. [10].

Ликвидация СССР и отказ от плановой экономики коренным образом изме-

нили государственную политику в районах нового промышленного освоения, когда отказались от практики строительства новых городов. В связи с этим нефтегазодобывающие ведомства перешли к масштабному использованию вахтового метода, который способствовал ускорению строительных и технологических работ при обустройстве и разработке месторождений, экономии затрат на формирование социальной инфраструктуры, созданию новых рабочих мест на малообжитой территории. Немаловажным фактором являлась высокая заработная плата у нефтяников и газовиков. В начале 2024 г. в Иркутской области работникам-вахтовикам предлагали заработную плату от 160,7 тыс. до 181,0 тыс. руб., в Красноярском крае – от 153,3 тыс. до 180,0 тыс. руб. Следует отметить, что высокая зарплата вахтовиков не означала больших затрат для компаний – нанимателей рабочей силы.

В 2019 г. количество работающих вахтовым методом в Иркутской области составляло 25,6 тыс. чел., из них жителей Приангарья – 8,5 тыс. чел., или 33,3 %. Как правило, «местными» работниками являлись жители малых городов и сельских поселений [11, с. 464]. Данное обстоятельство отрицательным образом сказывается на оттоке сельского населения, приводит к обезлюдиванию издавна обжитых территорий региона. Вахтовая миграция препятствует формированию постоянного населения. Это противоречит историческому опыту заселения Сибири, когда земледельческое освоение региона способствовало массовому переселению крестьян во время Столыпинской аграрной реформы, реализация советского Ангаро-Енисейского проекта обернулась небывалой урбанизацией Красноярского края и Иркутской области. Последней государственной программой по хозяйственному и градостроительному освоению новых территорий стала Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, которая может стать ретроспективной и перспективной для современной России.

Признание приоритета вахтового метода в промышленном освоении новых территорий Российской Федерации потребовало правового регулирования этого вида организации труда. Вопросы организации вахтового метода, учета рабочего времени, компенсации за ненормированный рабочий день и тяжелые условия труда, режима труда и отдыха работников-вахтовиков регулируются нормами Трудового кодекса РФ [12]. Согласно ст. 299 ТК РФ, продолжительность вахты не должна превышать одного месяца, а в исключительных случаях может быть увеличена работодателем до трех месяцев. Как показывает практика, в среднем режим вахты составляет 30 × 30 и 45 × 45 дней работы и отдыха. Учет рабочего времени при работе вахтовым методом распространяется на все рабочее время, время в пути от места нахождения работы и обратно, а также время отдыха, приходящиеся на данный календарный отрезок времени (ст. 300 ТК РФ). Режим рабочего времени и отдыха разрабатывается и утверждается работодателем с учетом мнения выборного органа профсоюзной организации. В график работ на вахте включается время, затраченное для доставки работников к месту работы и обратно. Однако это время не включается в рабочий период (ст. 301 ТК РФ). В ст. 302 ТК РФ предусмотрены гарантии и компенсации работающим вахтовым методом, дающие им право на районный коэффициент и специальные процентные добавки за работу в районах Крайнего Севера или приравненных к нему территорий, а также дополнительный оплачиваемый отпуск.

Несмотря на признание вахтового метода в качестве основного способа промышленного освоения северных районов Сибири, в последнее время ставятся вопросы об использовании советского опыта по строительству новых городов. Большой научный резонанс в 2021 г. вызвало предложение президента Русского географического общества С.К. Шойгу о строительстве в Сибири от трех до пяти городов с населением от 300 тыс. до миллиона человек, которые должны

стать научно-промышленными центрами региона. Новые города планировалось разместить на территории Ангаро-Енисейского региона, в местах незавершенного промышленного строительства Саянского, Канско-Ачинского ТПК. По сути это было возвращение к советскому проекту. Одновременно в Красноярском крае объявили о разработке нового проекта Енисейской агломерации и Арктики, который предполагал создание в северных районах края шести малых городов. Согласно заявлениям авторов проекта, проектирование этих городов должно было начаться в 2022 г. [8, с. 42].

При всей актуальности и важности поднятых вопросов все же необходимо отметить существующую нереальность в реализации озвученных проектов. В первую очередь встанет проблема привлечения огромных инвестиций как государственного, так и частного характера. Строительство крупнейших промышленных центров и новых городов потребует привлечения трудовых ресурсов, которых в регионе явно недостаточно. Использование советских форм комплектования трудовых коллективов строителей и эксплуатационников также не соответствует реалиям современного государственного и экономического механизма. Крупный бизнес из-за заинтересованности в быстрейшем получении прибыли не будет заниматься переселением людей и созданием необходимой социальной сферы. Однако в последние десятилетия накоплен первый опыт применения частно-государственного партнерства для реализации крупных инвестиционных проектов. Примером тому является соглашение между РАО «ЕЭС России» и частной компанией «РУСАЛ» по достройке Богучанской ГЭС и сооружению Богучанского алюминиевого завода. Проект был реализован на паритетной основе (50 % на 50 %) между участниками партнерства [13, с. 147]. К сожалению, подобное сотрудничество не получило широкого распространения для реализации новых сибирских проектов. Бизнесмены стремятся вкладывать средства в создание производств, выпускающих